

Декабристы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Д28

Д28 Декабристы / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 290 с.

ISBN 978-5-458-14682-1

Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. Политические процессы Николаевской эпохи.

ISBN 978-5-458-14682-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Русское освободительное движение имѣетъ свой обширный мартирологъ. Не восходя къ „доисторическимъ“ временамъ „верховниковъ“, Волынскихъ, Паниныхъ, Фонвизинныхъ и Десницкихъ съ ихъ аристократическими проектами ограниченія самодержавія, за которые они заплатились въ большей или меньшей степени, его слѣдуетъ начинать съ Радищева и Новикова, Пнина и Мещевскаго, В. Ф. Раевского и декабристовъ въ особенности. Отмѣчая въ своей знаменитой книгѣ всѣ потрясающіе ужасы „чуднща обла, озорна, стозѣвна и лайя“ тогдашней русской жизни, отвратительныя картины произвола, безправія и насилія, Радищевъ не выдвигалъ никакой опредѣленной политической программы; онъ беретъ общіе результаты современнаго ему государственнаго и общественнаго уклада, только въ рѣдкихъ случаяхъ восходя къ его основнымъ причинамъ. Ожесточенная ненависть къ рабству во всѣхъ его проявленіяхъ переходитъ по наслѣдству отъ Радищева къ кружку интеллигентной молодежи, въ которомъ главную роль играли одинъ изъ его сыновей и Пнинъ. Судя по „Опыту о просвѣщеніи“ Пнина, идеалы этой молодежи уже начали получать все большую и большую политическую окраску. Мещевскій, эта таинственная фигура, о которой мы еще до сихъ поръ почти ничего не знаемъ, въ судьбѣ которой заключается какъ бы прообразъ послѣдующей исторіи декабристовъ, своего рода „Мельхиседекъ“ декабрьскаго движенія, и Раевскій, котораго біографъ, г. Щеголевъ, назвалъ „первымъ декабристомъ“, задолго до 14-го декабря 1825 года жестоко заплатились за свои свободолюбивыя увлеченія. Новиковъ и его друзья стремились измѣнить русскую жизнь, поднявъ просвѣщеніе народа, и въ личномъ самоусовершенствованіи видѣли главный и даже единственный залогъ общественнаго прогресса. Но просвѣтительныя стремленія ихъ были парализованы тупою реакціонною дѣятельностью правительства, а совершенствовать себя приходилось въ „прямой вѣкъ покорности и страха“, въ міръ Шешковскихъ и Никитъ Рылѣвыхъ. Пропаганда аболіціонистскихъ идей Радищева и широкая просвѣтительная и филантропическая дѣятельность Новикова приводятъ только къ Сибири и Шлиссельбургу. Декабристы въ ряду этихъ „начальниковъ нашей славы“, первомучениковъ

нашего освобожденія занимають особое мѣсто. Они выступаютъ уже съ воплѣтъ опредѣленными политическими программами; передъ нами не попытки отдѣльныхъ лицъ и исключительные случаи, а широкое и глубокое общественное движеніе, судьбы котораго наложили яркую печать на всю нашу послѣдующую исторію. Отъ него можно повести прямую нить и къ современной борьбѣ за политическое освобожденіе русскаго народа.

Отголосками движенія декабристовъ полна вся Николаевская эпоха.

Для Николая I декабристы все время были предметомъ ужаса и ненависти. Исключеніе представляетъ одна только фраза, вырвавшаяся будто бы у него въ разгаръ вскрывшихся безобразій крымской войны: „Пестель и Бестужевъ со мною такъ бы не поступили!“ Втеченіе всего своего царствованія, въ каждомъ намекѣ на независимую мысль и свободное слово онъ видѣлъ зловѣщее вліяніе людей, которыхъ до послѣднихъ почти дней своей жизни онъ съ жесткой проніей называлъ „mes amis de quatorze“ и которымъ прежде всего не могъ простить своей растерянности на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. По словамъ слишкомъ оптимистически настроеннаго Пушкина, онъ „втайнѣ благотворилъ“ врагамъ, которыхъ „каралъ явно.“ На самомъ дѣлѣ незначительныя облегченія судьбы декабристовъ были уступкой не столько общественному мнѣнію, сколько давленію придворныхъ круговъ, среди которыхъ у сосланныхъ было много близкихъ родственниковъ; „тайныя благотворенія“ дѣлались настолько явно, что о нихъ всѣ знали и говорили; „явная кара“ осложнялась тайнымъ мучительствомъ, тупымъ и жестокимъ, о которомъ русское общество узнало слишкомъ поздно изъ записокъ самихъ декабристовъ. Воспоминанія о „бунтѣ“ декабристовъ окрыляли реакцію, которая сдѣлалась лозунгомъ цѣлаго царствованія и мрачною тучею нависла надъ всею русскою землею. Цѣлое поколѣніе широко образованной и талантливой молодежи было вырвано съ корнемъ. На смѣну блестящему гвардейцу, воспитанному захватывающими впечатлѣніями Отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1814—15 г.г., вводившему въ войска ланкастерское обученіе и ратовавшему за отмену тѣлесныхъ наказаній, съ его кружками самообразованія и тайными обществами, приходятъ „хрипуны и угнетенники“ Скалозубы съ ихъ „фельдфебеля въ Вольтеры дамъ“ и „девать забей—десятаго выправъ.“

Для общества начались долгіе годы удушливаго правственнаго растлѣнія, среди котораго изнемогали и гибли болѣе впечатлительныя и слабыя натуры. Въ общемъ для памяти о декабристахъ, для культа ихъ идей было слишкомъ мало мѣста въ тогдашней жизни и еще меньше въ тогдашней литературѣ. Но на многострадальной жизненной стезѣ русскаго народа ихъ слѣдъ не затерялся.

Всю жизнь Пушкинъ помнилъ о своихъ дорогихъ „каторжни-

кахъ.“ Онъ посылаетъ имъ свое „Богъ помочь!“ въ „мрачныя пропасти земли“ и пробуетъ нравственно ихъ поддержать:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачныя затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ...

Трагическая судьба декабристовъ находила живой и горячій откликъ у ихъ младшихъ современниковъ, какъ показываютъ это дѣла Критскихъ, Колесникова, Леопольдова и др. Въ концѣ 20-хъ годовъ среди учащейся молодежи ходитъ отрывокъ изъ „Андре Шенье“ Пушкина съ произвольной надписью „На 14-е декабря 1825 г.“ Какъ извѣстно, это привело къ большимъ неприятностямъ для великаго поэта и вызвало гибель Леопольдова. Со стороны Николаевского правительства потребовались крутыя и рѣшительныя мѣры, чтобы заглушить эти и безъ того уже замиравшіе въ общемъ потокѣ жизни отголоски декабрьскаго мятежа.

Съ каждымъ годомъ новыя условія жизни все болѣе и болѣе давали себя знать, и все слабѣе были замиравшіе всплески волны, поднятой декабрьскою бурей.

Къ половинѣ 30-хъ годовъ „жестокій вѣкъ“ въ значительной степени парализовалъ „вольнлюбивыя мечты“ Пушкина, и онъ долженъ былъ признаваться съ грустью: „и самъ, покорный общему закону, перемѣнился я.“ Тяжелымъ опытомъ онъ приходитъ къ безотрадному выводу: „На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.“ Ради нихъ, ради свободы одиночества, онъ готовъ даже поступиться „народными правами,“ „отъ коихъ не одна кружится голова...“

Запуганное репрессіями и раздавленное реакціей общество шло еще дальше, и его настроеніе давало прочный базисъ для всѣхъ безсмысленныхъ и безцѣльныхъ ужасовъ Николаевского режима.

По словамъ Герцена, поколѣніе, непосредственно предшествовавшее его сверстникамъ, молодежь конца 20-хъ годовъ, „встрѣтили тѣ десять лѣтъ, которыя окалчиваются мрачнымъ письмомъ Чаадаева. Разумѣется, въ десять лѣтъ оно не могло состарѣться, но оно сломилось, затхнулось, окруженное обществомъ безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, струсившимъ, подобострастнымъ. И это было десять первыхъ лѣтъ юности! Поневолѣ приходилось, какъ Онѣгину, завидовать параличу тульского засѣдателя, уѣхать въ Персію, какъ Печоринъ Лермонтова, идти въ католики, какъ настоящій Печоринъ, или броситься въ отчаянное православіе, въ неистовый славянизмъ, если нѣтъ желанія пить запоемъ, сѣчь мужиковъ или играть въ карты.“ „Нравственный уровень общества палъ, развитіе было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные—испуганные, слабые, потерянные—были мелки, пусты; дрянъ Александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто; они мало-по-малу превратились въ подобострастныхъ дѣльцовъ, утратили дикую поэзію кутежей и барства и всякую тѣнь самобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время ихъ прошло. Подъ этимъ большимъ свѣтомъ безучастно молчалъ большой міръ народа; для него ничего не переменялось, — ему было скверно, но не сквернѣе прежняго, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время не пришло. Между этой крышей и этой основой, дѣти первыя приподняли голову. Можетъ, оттого, что они не подозрѣвали, какъ это опасно; но какъ бы то ни было, этимъ дѣтми ошеломленная Россія начала приходить въ себя.“

Какъ это ни страшно сказать, Герцена и его товарищей отъ общаго оношленія и приниженія спасли тюрьма и ссылка.

Въ исторіи охватившихъ ихъ идеалистическихъ увлеченій видную роль сыграли декабристы: 14 декабря было для нихъ первымъ толчкомъ къ сознательной жизни. Въ „Быломъ и Думахъ“ Герценъ вспоминаетъ: „Разказы о возмущеніи, о судѣ, ужасъ въ Москвѣ сильно поразили меня; мнѣ открывался новый міръ, который становился больше и больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю, какъ это сдѣлалось, но, мало понимая, или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой карточь и побѣды. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила сонъ моей души.“ „Мы мечтали о томъ, какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ и самую науку считали средствомъ.“ „14 декабря застало насъ дѣтми... Мы были теоретическихъ мечтаній, мы были Гракхи и Ріензи въ дѣтской... Выходя изъ университетскихъ воротъ, насъ встрѣтили ворота тюрьмы. Тюрьма и ссылка въ молодыхъ лѣтахъ, во времена душнаго и сѣраго гоненія чрезвычайно благотворны; это закалъ,—однѣ слабыя организаціи смиряются тюрьмою, тѣ, у которыхъ борьба была мимолетнымъ юношескимъ порывомъ, а не талантомъ, не внутренней необходимостью.“

„Душное и сѣрое гоненіе“ закаляло однихъ тюрьмою и ссылкой и нравственно губило другихъ „утомительными часами равномернаго, обезсиляющаго отчаянія людей, потерянныхъ на волѣ въ пошлой и тяжелой средѣ.“

Свободная умственная жизнь, надежды на лучшее будущее еле теплились среди общей „пошлости и прозы“ въ дружескихъ кружкахъ идеалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Широкое общественное движеніе вошло въ узкое русло кружковщины или растекалось мелкими индивидуальными струйками. Но повторявшіеся отъ времени до времени неимоверные по своей жестокости случаи правительственнаго разгрома этихъ маленькихъ и скромныхъ культурныхъ оазисовъ не могли все-таки окончательно задавить идеи политическаго освобожденія Россіи и благодарной памяти молодежи о „mes amis de quatorze.“ Они были не только у Герцена съ его друзьями, но и у Петрашевцевъ, къ которымъ отчасти примыкалъ сынъ декабриста Фонвизина. Когда въ 1856 году пережившіе каторгу и солдатчину декабристы вернулись въ Россію, имъ протянуло руки новое поколѣніе—дѣятелей 50-хъ и 60-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи, напр., характерно участіе П. Л. Лаврова въ манифестаціи во время похоронъ декабриста барона Штейнгеля.

На обложкѣ своего перваго свободнаго изданія за рубежомъ Герценъ помѣстилъ портреты пятерыхъ казненныхъ декабристовъ. Благодаря ему появляется за границей много цѣнныхъ матеріаловъ о самомъ движеніи. Медленно и трудно завоевываютъ себѣ литература и наука право свободно говорить о немъ. По устойчивой традиціи Николаевскихъ временъ Александръ II продолжаетъ бояться возвращенныхъ изъ ссылки декабристовъ, хотя это были измученные жизнью, одряхлѣвшіе старики. Большинству изъ нихъ былъ воспрещенъ вѣздъ въ столицы, почти никому изъ нихъ не были возвращены прежнія званія и чины, цензура тщательно вымарывала почти всѣ упоминанія о нихъ въ печати. Только въ самое послѣднее время, могли быть напечатаны записки Волконскаго и его жены, Якушкина, Лорера, Фонвизина, Штейнгеля, и то съ пропусками. До сихъ поръ еще русскимъ ученымъ нѣтъ свободнаго доступа къ дѣлу о декабристахъ, хранящемуся въ государственномъ архивѣ.

„Скорбный трудъ“ и „думъ высокое стремленье“ декабристовъ не пропали даромъ. При всѣхъ усиліяхъ память о нихъ не могла истребить даже реакція Николаевской эпохи; съ особенною силою она ожила теперь—на зарѣ русскаго освобожденія...

II.

Генезисъ движенія декабристовъ теперь достаточно выяснился. По отношенію къ отдѣльнымъ изъ нихъ мы, несомнѣнно, должны считаться съ филиаціей идей и поколѣній: почва для нихъ была въ нѣкоторой степени подготовлена предшествующими пионерами борьбы за осво-

божденіе Россіи, судьбы и идеи которыхъ находили себѣ живой откликъ у подраставшихъ молодыхъ поколѣній конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ развитіи нѣкоторыхъ декабристовъ, по ихъ собственнымъ признаніямъ, значительную роль сыграло „Путешествіе“ Радищева; нѣкоторые изъ нихъ съ большимъ уваженіемъ вспоминали о дѣятельности Новикова; отецъ декабристовъ Вестужевъ былъ ближайшимъ другомъ и единомышленникомъ Пнина; М. А. Фонвизинъ познакомилъ своихъ сочленовъ съ конституціоннымъ проектомъ Панина и Д. И. Фонвизина, который легъ въ основу конституціи Муравьева. Проникавшее Д. И. Фонвизина оппозиціонное настроеніе по отношенію къ современному политическому строю Россіи сильно повлияло на политическое воспитаніе его племянника декабриста. „Разсужденіе“ родоначальника нашей общественной комедіи прямо и рѣзко ставило вопросъ объ опасности самодержавія и необходимости установленія „непремѣнныхъ государственныхъ законовъ,“ безъ которыхъ „не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя.“ „Кто поручится,“ писалъ Д. И. Фонвизинъ, „чтобъ преемнику не угодно было въ одинъ часъ уничтожить все то, что во всѣхъ прежнія царствованія установлено было? Кто поручится, чтобъ самъ законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими предъ нимъ истину, не разорилъ того сегодня, что создалъ вчера? Гдѣ произволъ одного есть законъ верховный, тамъ прочная общія связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединялись бы угломъ взаимныхъ правъ и обязанностей; одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не нравъ государя приноравливаться къ законамъ, но законы къ его праву. Какая же довѣренность, какое почтеніе можетъ быть къ законамъ, не имѣющимъ своего естественнаго свойства, т.-е. соображенія съ общею пользою?.. Тутъ подданные поработаны государю, а государь обыкновенно своему недостойному л ю б и м ц у... Не тотъ государь самовластнѣйшій, который на недостаткахъ государственныхъ законовъ чаеетъ утвердить свое самовластіе. Поработанный одному или нѣсколькимъ рабамъ своимъ, почему онъ самодержецъ?.. Тщетно пишетъ онъ новые законы, возвѣщаетъ благоденствіе народа, прославляетъ премудрость своего правленія... Таковое положеніе долго и устоять не можетъ... Вдругъ всѣ устремляются расторгнуть узы нестерпимаго поработенія, и тогда что есть государство? Колоссъ, державшійся цѣпями; цѣпи разрываются, колоссъ упадаетъ и самъ собою разрушается. Деспотичество, раждающееся обыкновенно отъ анархіи, весьма рѣдко опять въ нее не возвращается.“

Подданные имѣютъ право низвергнуть власть, если она дурно исполняетъ свое назначеніе.

„Всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія временъ по-

пустили, уступая силѣ, унижить человѣческое свое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находить средства разорвать свои оковы, тѣмъ же правомъ, какимъ на нее наложены, весьма умно дѣлаеть, если разрываетъ. Тутъ дѣло ясное: или она теперь въ правѣ возвратить свою свободу, или никто не былъ въ правѣ отнимать у ней свободы... Обязательства между государемъ и подданными суть равнымъ образомъ добровольныя, ибо не было еще въ свѣгѣ націи, которая насильно принудила бы кого насильно стать ея государемъ; и если она безъ государя существовать можетъ, а государь безъ нея не можетъ, то очевидно, что первобытная власть была въ ея рукахъ, и что при установленіи государя не о томъ дѣло было, чѣмъ онъ націю пожалуетъ, а какою властью она его облакаеть. Возможно ли же, чтобъ нація добровольно постановила сама законъ, разрѣшающій государю дѣлать неправосудіе безотчетно?.. Право деспота есть право сильнаго, но и разбойникъ то же право себѣ присвоаеть.“

Государственная форма Россіи кажется ему полнымъ абсурдомъ: это—„государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣеть право быть вмѣстѣ истцомъ и судьей надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый, слѣдственно, можетъ быть всегда или тиранъ или жертва;“ „государство не деспотическое, ибо нація никогда не отдавала себя государю въ самовольное его управленіе, и всегда имѣла трибуналы гражданскіе и уголовныя, обязанныя защищать невинность и наказывать преступленіе; не монархическое, ибо нѣтъ въ немъ фундаментальныхъ законовъ; не аристократія, ибо верховное въ немъ правленіе есть бездушная машина, движимая произволомъ государя; на демократію же и походить не можетъ земля, гдѣ народъ, пресмыкаяся во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства.“ Россію могутъ спасти только „законы непреложныя,“ но ее нужно еще подготовить къ принятію конституціи.

Всѣ эти отдѣльныя вліянія далеко еще не опредѣляютъ, конечно, движенія декабристовъ, которое главнымъ образомъ создавалось событіями и впечатлѣніями первой четверти XIX вѣка: они только забросили первыя сѣмена политическаго свободомыслія, развернувшись потомъ въ цѣльную политическую программу.

Одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ декабристовъ, баронъ Штейнгель во время допроса въ 1826 году и въ особомъ письмѣ къ новому императору объяснялъ ростъ либеральныхъ и республиканскихъ идей въ Россіи характеромъ преподаванія въ университетахъ, частныхъ пансіонахъ и лицеѣ, содержаніемъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ начала царствованія Александра I, вліяніемъ событій на западѣ въ 1820 году, въ особенности же дарованіемъ конституціи Польшѣ и Финляндіи и впечатлѣніями заграничныхъ походовъ 1814—15 годовъ, которыя рѣзко сталкивались съ отвратительными условіями русской дѣйствительности. „Истинный корень республи-

канскихъ порывовъ сокрывается въ самомъ воспитаніи и образованіи, которыя въ теченіе 24-хъ лѣтъ само правительство давало юношеству. Оно само питало ихъ, какъ млеко, либеральными идеями; между тѣмъ, какъ, вступая на дѣятельное поприще жизни, они на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію той цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе. Преслѣдовать теперь за свободомысліе не то ли же будетъ значить, что бить слѣпого, у котораго трудною операціею сняты катаракты, и которому показанъ свѣтъ, за то, что различаетъ предметы?"

„Великія событія Отечественной войны, оставивъ въ душѣ глубокія впечатлѣнія,“ производили во всѣхъ „какое то безпокойное желаніе дѣятельности.“ Продолжительное пребываніе нашей военной молодежи за границей и сопоставленіе свободныхъ условій западной жизни съ рабствомъ и невѣжествомъ Россіи открывали новые политическіе горизонты, „о которыхъ прежде не слыхивали.“

„Въ походахъ по Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границей съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ,—рабство огромнаго (безправнаго) большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство. Многіе изъ нихъ познакомились въ походѣ съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendbund), который такъ благотворно приготовилъ возстаніе Пруссіи и содѣйствовалъ ея освобожденію, и съ французскими либералами.

„Въ открытыхъ бесѣдахъ съ ними наши молодые люди нечувствительно усвоили ихъ свободный образъ мыслей и стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ, стыдась за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ. Возвратясь въ Петербургъ, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнью и скучными мелочными занятіями и подробностями строевой службы, которыя отъ нихъ требовали строго начальники, угождая тѣмъ врожденной склонности Александра и братьевъ къ фронтманіи, солдатской вытязкѣ, одиночному ученію и пр., несмотря на то, что опыты двухлѣтней жестокой войны съ непріателемъ самымъ искуснымъ могли бы, кажется, убѣдить Александра, что не отъ этихъ мелочей зависитъ побѣда? Притомъ русскихъ оскорбляло явное предпочтеніе, оказываемое императоромъ всѣмъ вообще иностранцамъ передъ его подданными, къ которымъ онъ и не скрывалъ своего уваженія: присоединенной Польшѣ онъ даровалъ конституціонныя установленія, которыхъ Россію почиталъ недостойною.“

„Поумнѣвшій“ герой отрывка изъ романа въ письмахъ Пушкина такъ характеризуетъ настроеніе русской молодежи 1818 года: „въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ.

Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать, и нѣкогда заниматься дамами.“

Въ своихъ замѣчательныхъ „Запискахъ“ Якушкинъ справедливо выдвигаетъ роль 1812 года въ исторіи политическаго воспитанія Россіи.

„Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двенадцать языцы, еслибы народъ по-прежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы... Въ рядахъ между двумя солдатами не было уже бессмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.“

Заграничные походы докончили начавшееся пробужденіе. „Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколко-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколко-нибудь выросъ.“ Послѣ возвращенія изъ-за границы „существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на сто лѣтъ впередъ.“

По словамъ Волконскаго, „кампанія 12 года и послѣдующихъ 13-го и 14 г.г. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко выказались уму и сердцу многихъ.“

Все это создало богатую почву для броженія мысли, которое обострялось все больше и больше вслѣдствіе разочарованія въ личности Александра, искренности его желанія дать Россіи конституцію.

Увлеченіе идеей тайнаго общества получаетъ прямо эпидемическій характеръ. Немногіе собираются идти объ руку съ правительствомъ; большинство хочетъ идти помимо него и даже противъ него, до времени не раскрывая еще своихъ картъ. У насъ появляются отголоски не только невиннаго нѣмецкаго Tugendund'a, но и союза карбонаріевъ и гетэріи, тайныхъ союзовъ уже вполне политическаго характера. Офицерскія артели и „вольныя общества“ мало-по-малу обращаются въ кружки политическаго самообразованія, и правительство сочло себя вынужденнымъ принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры.

Политическая струя сказывается даже въ возродившихся масонскихъ ложахъ. М. Ф. Орловъ пробуетъ, хотя и безуспѣшно, придать политическій характеръ „Арзамасу.“ Онъ присущъ былъ безусловно обществу „Зеленой лампы.“ Въ концѣ 1816 года образуется „Союзъ Спасенія“ или „истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества,“ который впоследствии переродился въ „Союзъ Благоденствія.“ Въ идеяхъ его былъ первоначально несомнѣнный карбонарскій отпечатокъ, на которомъ особенно настаивалъ Пестель, примкнувшій къ нему въ 1817 г.

„Союзъ Спасенія“ имѣлъ въ виду опредѣленные политическія цѣли, но онѣ извѣстны были только вожакамъ. Для менѣ посвященныхъ выдвигались— „подвизаніе на пользу общую всѣми силами,“ поддержка своимъ одобреніемъ полезныхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ и частными людьми, содѣйствіе имъ, препятствія всякому злу, разглашеніе злоупотребленій чиновниковъ и всякихъ безчестныхъ поступковъ частныхъ лицъ и т. д.

Тайныя цѣли „Союза Спасенія“ испугали нѣкоторыхъ, болѣе умѣренныхъ членовъ, и М. Н. Муравьевъ рѣшилъ преобразовать его въ духъ Tugendbund'a. Такъ получился „Союзъ Благоденствія.“ Кроме того, учреждено было временное тайное общество, такъ называемое „Военное,“ куда, по словамъ Якушкина, вошли „все порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ.“ Около этого времени Н. И. Тургеневъ и М. Ф. Орловымъ задумали учредить особое политическое тайное общество съ приданіемъ ему масонскихъ формъ— „Общество Русскихъ Рыцарей.“ Одновременно возникаетъ рядъ тайныхъ обществъ въ Польшѣ.

То же, по словамъ Фонвизина, дѣлалось и по всей Европѣ. „Правительства не только не спѣшили исполнить свои обѣщанія, но стали вмѣнять въ преступленіе справедливое требованіе конституціонныхъ учреждений, всячески стараясь вездѣ подавлять духъ свободы. Александръ сталъ во главѣ монархическихъ реакціонеровъ... Народы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ правительствами, прибѣгли противъ ихъ явныхъ угнетеній къ средствамъ сокровеннымъ. По всей Европѣ учредились тайные политическіе союзы съ цѣлію исторгнуть у правительствъ конституціонныя постановленія. Въ Италіи, подъ незнакомымъ ей австрійскимъ владычествомъ, учредились тайные союзы (венты) карбонаріевъ; въ германскихъ университетахъ образовался студенческій союзъ (Burschenschaft), раскинувшій вѣтви свои по всей нѣмецкой землѣ. Во Франціи тайныя политическія общества подъ разными названіями. Цѣль у всѣхъ этихъ сокровенныхъ союзовъ была одна: противодѣйствовать монархической реакціи правительствъ и освободить народы отъ ихъ самовластия.“

Она была у нѣкоторыхъ вождей „Союза Благоденствія,“ но имъ приходилось считаться съ умѣреннымъ настроеніемъ большинства и скрывать се отъ менѣ посвященныхъ. „Союзъ“ слишкомъ расширился, вобралъ въ себя слишкомъ различные элементы, что и привело въ концѣ концовъ къ его распаденію.